

Бессмертие принявший Ленинград

80-летию снятия блокады посвящается

Министерство культуры Свердловской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»

Бессмертие принявший Ленинград

80-летию снятия блокады посвящается

Екатеринбург – 2024

ББК 63.3(2)622,11

Б 53

Б 53

Бессмертие принявший Ленинград : 80-летия снятия блокады посвящается / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург: СОМБ, 2024. – 59 с.: ил. – Текст: электронный.

ББК 63.3(2)622,11

СОДЕРЖАНИЕ

Трагическая страница нашей истории	4
«Осколки в памяти». Подвиг Ленинграда на страницах книг	15
Пять блокадных поэтесс	23
«Их 900 ночей у Ленинграда» – поэтическая хроника мужества	36
Список источников	58

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА НАШЕЙ ИСТОРИИ

*«Он не дрогнул в бою, бастион над Невой.
Он в едином строю был со всею странюю.
Лютый холод и сотни тревог –
Все он вынес и все превозмог».*

В. Суслов

Блокада Ленинграда – одна из самых трагических и печальных страниц истории нашей страны и города Ленинграда, подвиг, который не меркнет в памяти поколений. Каждый день жизни в блокадном Ленинграде был битвой за собственную жизнь, битвой за родной город. 27 января 1944 года закончились 900 дней смерти, голода, холода, бомбежек, отчаянья. 27 января 2024 года исполнилось 80 лет со дня полного снятия блокады города.

Оценить все последствия блокады во времена Нюрнберга было невозможно. Да, все знали о голоде, о норме хлеба в 125 грамм в сутки на человека, о болезнях и смертях. Но многие из тех, кто пережили блокаду, тогда были еще совсем маленькими и последствия выпавших на их долю испытаний ощутили лишь через много лет.

Люди теряли разум от голода и дистрофии. Ничего не было в голове, кроме того, чтобы что-то съесть, а есть было нечего.

5 В 1942 году хоронили тысячу человек в день. Тысячу – в день! Можете себе представить, сколько людей погибло... Как пишут в разных источниках, до блокады в Ленинграде было 3 миллиона 200 тысяч человек, а когда блокада кончилась – 700 тысяч...

Блокада Ленинграда. Родственники везут на кладбище умершего от голода ленинградца

Это больше, чем все военные потери Великобритании и США за Вторую мировую войну вместе взятые. Вина за гибель ленинградцев целиком и полностью лежит на гитлеровском командовании и руководстве Финляндии, чья армия блокировала город со стороны Карельского перешейка.

6

За годы блокады гитлеровцы сбросили на Ленинград 150 тысяч артиллерийских снарядов и 107 тысяч зажигательных бомб.

Первые месяцы артобстрелы были ежедневными, а самой длинной атакой фашистов стало 17 августа 1943 года. Обстрел длился рекордные 13 часов 14 минут. Шум от вражеского нападения долго стоял в ушах местных жителей.

В общей сложности почти за три года блокады было разрушено и повреждено 15 миллионов квадратных метров жилья, 840 заводов, 526 школ и детсадов и 187 памятников архитектуры.

В 1942 году Ленинград посетила еще одна напасть – нашествие крыс. Из-за отсутствия котов в городе грызуны почувствовали себя свободно и сжирали не только остатки провианта, но и атаковали шедевры, которые хранились в музеях. Крысы могли вызвать эпидемию, поэтому властями города было принято решение привезти в Ленинград кошек. Четвероногих спасителей собирали по всей стране, и в 1943 году в город прибыл поезд хвостатых.

7

Очевидцы вспоминают, как на вокзале работники открыли вагон с пушистыми гостями из Ярославля и Сибири, а те, испуганные, бросились врассыпную. Ленинградцы хватали кошек и забирали их домой. Но часть котов осталась жить на улице. Усатые быстро справились с грызунами и стали символом города на Неве.

В мировой истории трудно отыскать случай, когда столь большой мегаполис оказывался вместе с жителями во вражеском кольце. Но Ленинград жил, Ленинград боролся.

На оставшихся в городе предприятиях трудились ленинградцы (мужчины, женщины, подростки), которые ремонтировали военную технику, выпускали оружие, восстанавливали производство электроэнергии.

Руководство города и командование фронтом делало все возможное, чтобы прорвать блокаду. Символом несгибаемого мужества защитников Ленинграда стал «Невский пяточок».

***«Вы, живые, знайте, что с этой земли
мы уйти не хотели и не ушли.
Мы стояли насмерть у темной Невы.
Мы погибли, чтоб жили вы».***

Надпись на памятнике «Рубежный камень» на «Невском пяточке».

ДОРОГА ЖИЗНИ

Единственной надеждой на спасение для сотен тысяч ленинградцев стала эвакуация и доставка продовольствия по Ладожскому озеру – летом по воде, зимой по льду. Эта трасса получила название «Дорога жизни». Доставка людей и грузов в период блокады по этой трассе по праву может сравниться с величайшими операциями Великой Отечественной войны. Как только в конце ноября 1941 года Ладога покрылась льдом, руководство Ленинграда организовало через озеро переброску продовольствия в город на грузовых машинах. Обрато эвакуировалось голодающее население. По «Дороге жизни» до весны 1943 года было доставлено 1,6 млн тонн грузов, эвакуировано 1,3 млн ленинградцев. Порой грузовики проваливались под лед, но колонна продолжала движение, иногда под обстрелом. По дну Ладожского озера были уложены трубопровод и электрический кабель.

Блокада Ленинграда продолжалась долгие 872 дня и была полностью снята только 27 января 1944 года в ходе Ленинградско-Новгородской операции. В честь этого события впервые за всю войну был дан салют не в Москве, а в самом Ленинграде. Тысячи жителей вышли на улицы, чтобы увидеть салют и порадоваться столь желанной победе у стен своего родного города. 27 января стало Днем воинской славы России.

«Рыдают люди, и поют, и лиц заплаканных не прячут.

Сегодня в городе —

САЛЮТ!

Сегодня ленинградцы

плачут...»

Ю. Воронов

Битва за Ленинград стала самой продолжительной в годы Великой Отечественной войны. Она длилась с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года, когда финские части были отброшены от города к финской границе в ходе Выборгско-Петрозаводской операции 1944 года.

8 мая 1965 года Ленинграду присвоено звание «Город-герой».

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Идея самой игры возникла в самый разгар блокады Ленинграда фашистскими войсками – в апреле 1942 года. Уже 6 мая 1942 года Ленгорисполком принял решение о проведении футбольного матча на стадионе «Динамо». Когда пришло время начинать игру (31 мая 1942 года), стало понятно, что на самом стадионе «Динамо», поле которого было усеяно воронками разорвавшихся снарядов, играть было невозможно. Очень кстати рядом оказалось запасное поле, вполне пригодное для проведения матча.

В матче участвовали команды ленинградского «Динамо» и ЛМЗ – команда Ленинградского металлического завода, которая тогда во всех хрониках была зашифрована, как «Команда Н-ского завода». Всего в игре принимали участие 22 футболиста.

За игрой наблюдали пациенты госпиталя и ученики военной академии.

Из-за общего истощения было принято решение играть не полный матч (два тайма по 45 минут с 15-минутным перерывом), а сокращенный – два тайма по полчаса с небольшим перерывом, чтобы перевести дух. Но даже в таком формате матч мог и не завершиться. По ходу второго тайма в районе запасного по-

ля стадиона «Динамо» начались бомбежки и артиллерийские обстрелы. Судья вынужден был прервать игру и увести всех зрителей (более 300 человек) и футболистов в бомбоубежище.

Но волю ленинградцев в тот день, как и ни в один из последующих, было не сломить ни листовками, ни пулями, ни бомбами... Матч продолжился.

В итоге «Динамо» выиграло у ЛМЗ с крупным счетом 6:0.

Участникам легендарного блокадного футбольного матча был установлен памятник. Он был открыт 31 мая 2012 года в честь семидесятилетия игры.

ОРКЕСТР

В конце декабря 1941 года в Куйбышеве (Самара) произошло важное событие – Дмитрий Шостакович дописал Седьмую симфонию, которую Ахматова потом назовет Ленинградской. Премьера состоялась там же в начале марта 1942-го, потом ее исполняли в Москве, за рубежом, и казалось, что ее не слышали только жители города, которому она посвящалась. Тогда руководство Ленинградского фронта приняло решение исполнить Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде. Концерт состоялся 9 августа 1942 года.

9 августа 1942 года в зале Ленинградской филармонии состоялось исполнение Седьмой («Ленинградской») симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Свое произведение он начал писать в первые недели Великой Отечественной войны.

Композитор принимал участие в обороне города: работал на строительстве противотанковых укреплений, был бойцом противопожарной команды, по ночам дежурил на чердаках и крышах домов, тушил зажигательные бомбы. В середине октября 1941 года вместе с двумя малолетними детьми он был эвакуирован в Куйбышев. Там работа над симфонией была продолжена. 5 марта 1942 года в Куйбышеве, на сцене Театра оперы и балета, состоялась премьера Седьмой симфонии. Ее исполнил оркестр Большого театра под управлением С.А. Самосуда. 29 марта 1942 года симфония была исполнена в Москве.

Инициатором и организатором исполнения Седьмой симфонии в блокадном Ленинграде был главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета К.И. Элиасберг. В июле специальным самолетом партитура была доставлена в осажденный город, начались репетиции. Музыкантов искали как в самом Ленинграде, так и на ближайшей передовой.

11

9 августа 1942 года в переполненном зале Ленинградской филармонии состоялось долгожданное исполнение Седьмой симфонии. Артиллеристам, защищавшим город, был отдан приказ командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова подавлять огонь противника. В день исполнения симфонии все артиллерийские силы Ленинграда были брошены на подавление огневых точек противника. Во время исполнения симфония транслировалась по радио и громкоговорителям городской сети. Ее слышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска, считавшие, что город практически мертв.

Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича является не только одним из важнейших художественных произведений отечественной культуры XX века, но и музыкальным символом блокады Ленинграда, стойкости и мужества защитников города.

Ленинградская симфония – произведение советского композитора Дмитрия Шостаковича, стала музыкальным символом стойкости и мужества защитников блокадного города.

ИТОГИ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

Если враг взял город, все его жители были бы обречены на гибель, а немцы смогли бы перебросить значительные силы под Москву и Сталинград. В пригородах Ленинграда гитлеровцы и их пособники-колaborационисты из эсэсовских прибалтийских подразделений расстреливали и вешали ни в чем не повинных женщин, детей, стариков. Великолепные архитектурные ансамбли пригородов Ленинграда – Гатчины, Царского Села, Петергофа – были разграблены и уничтожены оккупантами.

Однако ленинградцы показали всему миру, на что они способны, защищая родной город. Сегодня в эти подвиги даже трудно поверить. Так сотрудники Всесоюзного института растениеводства голодали вместе со всеми ленинградцами, но из богатейшей и уникальной коллекции зерна они за время блокады не взяли ни одного зернышка. От голода на рабочем месте умер ленинградец Д. И. Кютинен. Он работал пекарем. Ленинград выстоял и одержал великую победу над врагом – и военную, и моральную.

Памяти жертв блокады и погибших участников обороны Ленинграда посвящены мемориальные ансамбли Пискаревского кладбища и Серафимского кладбища, вокруг города по бывшему блокадному кольцу фронта создан Зеленый пояс Славы. На Пискаревском мемориальном кладбище покоится полмиллиона жертв блокады и воинов Ленинградского фронта. Само кладбище заложили в 1939 году, тогда никто не мог знать, что ему суждено войти в историю.

Гитлер планировал уничтожить Ленинград, даже если город решит сдаться на милость врага. Об этом говорится в документах: «...Фюрер решил стереть город Петербург с лица Земли... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы сохранения и пропитания населения не могут и не должны быть нами разрешены». Если бы не подвиг ленинградцев-блокадников, современного города Петербурга не было бы на карте.

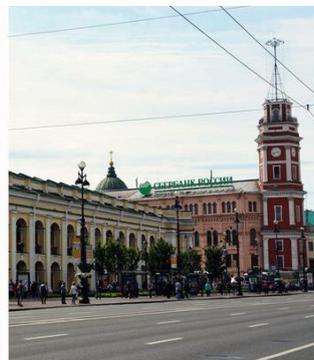
*Все проходит, но забыть нет силы
Строки, что в блокадном дневнике
Савичева Таня выводила
(Карандаш дрожал, ручонка стыла)
При свечном озябшем огоньке.*

*И слова, как звуки канонады,
Что ревели грозно в темноте,
Стали вечным символом блокады,
Мужества и боли Ленинграда,
Страшные в кричащей простоте.*

Татьяна Идолова

ТОГДА И СЕЙЧАС: ЛЕНИНГРАД В БЛОКАДУ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В НАШИ ДНИ

О блокаде мы знаем из фильмов, книг и рассказов старших родственников, которые помогают немного оживить историю, сделать ее ближе и понятнее. Фотографии работают так же. KudaGo предлагает посмотреть на знаковые места города и сравнить их облик в военное время и современные годы.

Медный всадник

Невский проспект

14

Петергоф

Троицкий собор

Исаакиевский собор

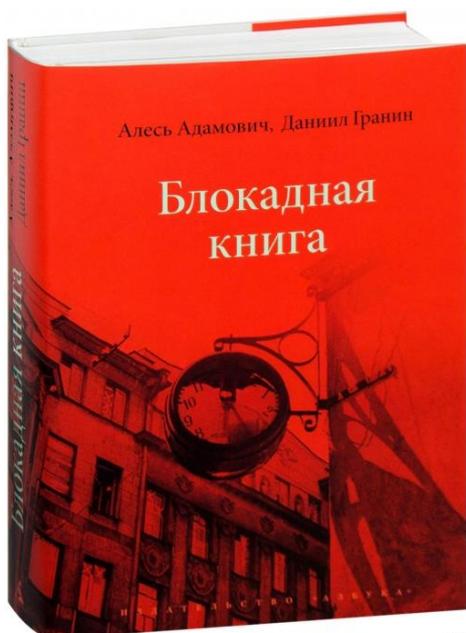
Аничков мост

«ОСКОЛКИ В ПАМЯТИ». ПОДВИГ ЛЕНИНГРАДА НА СТРАНИЦАХ КНИГ

Литераторы сохранили для нас память о тех девятистах днях и ночах. В день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады предлагаем Вам список книг, наш ТОП-10, которые проведут по самым трагическим, страшным и величественным страницам истории великого города.

Первым в послевоенные годы поднял вопрос о сохранении памяти о блокаде Ленинграда Алесь Адамович, предложивший Даниилу Гранину записывать воспоминания блокадников. Так родилась «Блокадная книга». В полном объеме она вышла только в 2014 году, а тогда ее с большим трудом удалось опубликовать с купюрами, да и то в Москве. Правда «Блокадной книги» поразила читателей – оказалось, что кроме общих фраз у каждого была своя маленькая правда, свои переживания и своя трагедия. Это был новый взгляд на войну и на судьбу человека в ней. Истории «внутри семейной и внутри душевной жизни людей» в осажденном городе стали настоящим откровением – в советской литературе тогда не принято было говорить о частных судьбах и трагедиях.

Одно из самых впечатляющих документальных произведений. В начале семидесятых годов авторы взяли интервью у нескольких тысяч ленинградцев. Их рассказы – жесткие и откровенные, без прикрас – и вошли в книгу.

«Откровенно говоря, мы многого не знали, не знали, какие жестокие вещи стоят за привычными словами «ленинградская блокада». Даже мы, прошедшие войну, – один в белорусских партизанах, другой на Ленинградском фронте, – казалось, привычные ко всему, были не готовы к этим рассказам.»

Они ведь, эти люди, щадили нас все годы, но себя, рассказывая, уже не щадят... Понять и унести безжалостную быль «ленинградской памяти» легче, если видишь этих людей – самих рассказчиков, а не только слышишь их голоса (с магнитофона) или читаешь их воспоминания.

Многое в этих людях удивительно и неожиданно. Но потом все оказывается таким простым, понятным, таким человеческим... и еще более поразительным».

16

Дмитрий Лихачев «Моя война. В блокадном Ленинграде»

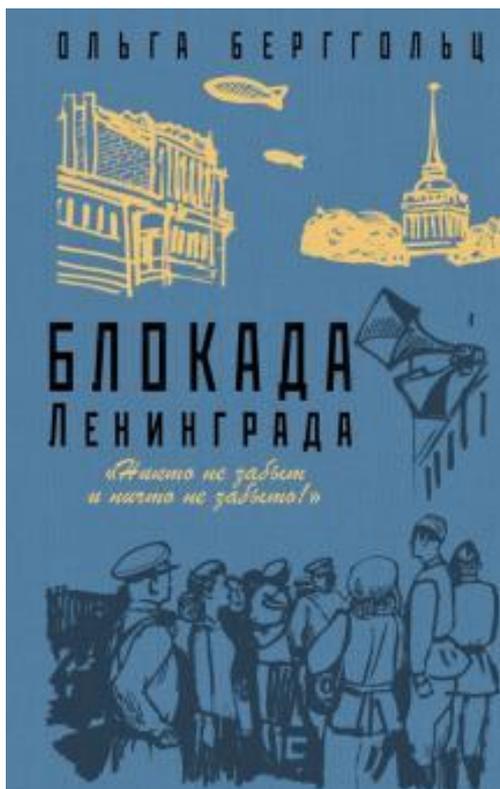

Известный филолог, культуролог и искусствовед Дмитрий Лихачев всю блокаду находился в Ленинграде.

В этой книге его рассказы о том времени перемежаются рассуждениями о нравственном состоянии ленинградцев, о судьбе страны, о причинах мирового конфликта.

«Я думал о каждой недоеденной тарелке супа, о каждой выброшенной корке хлеба или о картофельной шелухе – с таким раскаянием, с таким отчаянием, точно я был убийцей своих детей. Но все-таки мы сделали максимум того, что могли сделать, не веря ни в какие успокаивающие заявления по радио».

Ольга Берггольц «Блокада Ленинграда. “Никто не забыт и ничто не забыто”»

«Никто не забыт и ничто не забыто!» – эти легендарные строки Ольги Берггольц высечены на мемориальной стене Пискаревского кладбища, где похоронено полмиллиона жертв ленинградской блокады. Все 872 блокадных дня Ольга Федоровна находилась в Ленинграде.

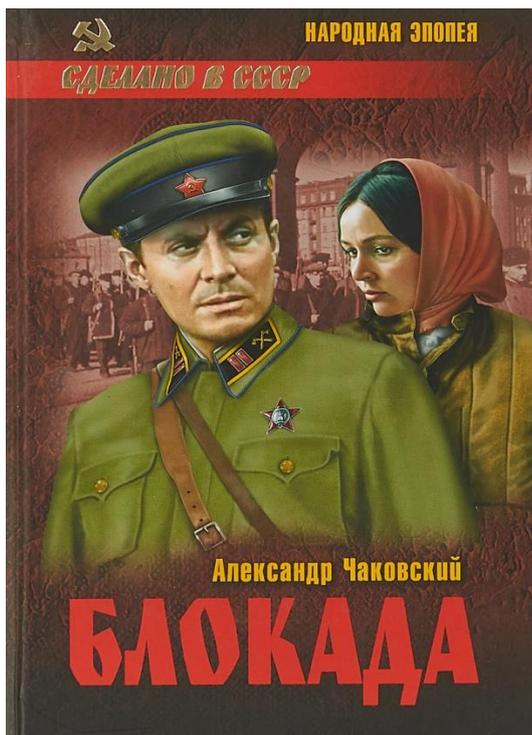
Ее голос ежедневно звучал в радиоэфире, вселяя надежду в голодных и ослабевших. Знаменитая поэтесса, автор пронзительных стихов и прозы, навсегда вошла в историю Великой Отечественной войны как муза блокадного Ленинграда.

*«Сто двадцать пять блокадных грамм,
С огнем и кровью пополам»,* – писала она о тех страшных днях.

В сборник «Блокада Ленинграда. “Никто не забыт и ничто не забыто”» включены книги «Дневные звезды», «Говорит Ленинград», а также стихотворения и поэмы Ольги Берггольц, посвященные блокаде Ленинграда. В повести «Дневные звезды» рассказана героическая история борьбы за жизнь и свободу блокадного Ленинграда. На протяжении всего повествования у автора переплетаются собственные воспоминания о жителях осажденного города с лирическими воспоминаниями о детстве, друзьях и истории города.

«Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца, со всем его сумраком и светом. Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути – значит, вы увидели дневные звезды, значит, они зажглись во мне, они будут все разгораться в Главной книге, которая всегда впереди, которую мы с вами пишем непрерывно и неустанно...». Ольга Берггольц «Дневные звезды».

Александр Чаковский «Блокада»

Книга вышла в 1978 году. Выдающийся советский писатель и журналист, военный корреспондент достоверно и с хронологической точностью рассказывает о событиях, предшествовавших войне, обороне Ленинграда, о страшных буднях осажденного города, работе Дороги жизни и прорыве блокады зимой 1943 года. Пронзительный и мужественный рассказ переносит читателя в то тяжелейшее время, когда голод и смерть соседствовали с беспримерным мужеством, разрывающий душу ужас – со стойкой уверенностью в победе.

Как на пороге мучительной гибели не поддаться страху, не опуститься до подлости, а остаться Человеком с большой буквы, олицетворяющим защитников города.

«За спиной этих трех десятков людей задыхался в петле голода терзаемый вражеской артиллерией Ленинград. Но им-то в первый момент показалось, что и война и блокада отодвинулись куда-то вдаль. Здесь, на белом, пустынном ладожском льду, трудно было представить, что где-то совсем рядом бушуют огонь и смерть...»

Геннадий Чикунов «Я был там»

Автобиография Геннадия Чикунова – это воспоминания о том, как счастливое довоенное детство сменяется выживанием в блокадном Ленинграде, а наивная вера в лозунги сталинских парадов и агитфильмов испаряется перед лицом подлинного страдания.

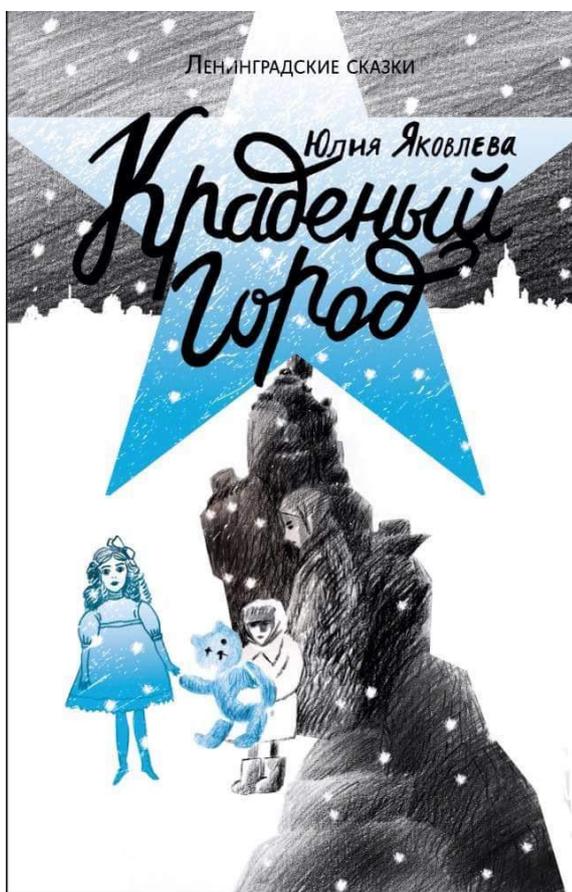
В отличие от многих похожих книг, концентрирующихся на блокаде как событии, «запаянном» с двух сторон мощными образами начала сражений и Победы, автобиография Чикунова создает особый мир довоенного, военного и послевоенного прошлого. Этот мир, показанный через взгляд советского ребенка, расскажет, как воспринимались конец 1930-х годов, Великая Отечественная война, «смертное время» блокады, чего стоила не менее опасная эвакуация и тяжелая жизнь на другом краю Советского Союза.

«Война, словно дорожный каток, беспощадно подминает под себя все движимое и недвижимое, живое и мертвое, оставляя после себя израненную, измученную, политую горькими слезами пустыню. Она не щадит никого».

Эти слова Геннадия Чикунова, автора и главного героя представленной читателю автобиографии, могли бы послужить эпиграфом ко многим воспоминаниям о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда 1941-1944 годов, осаде, унесшей жизни более миллиона советских граждан, большинство из которых погибли от голода.

Юлия Яковлева «Краденый город»

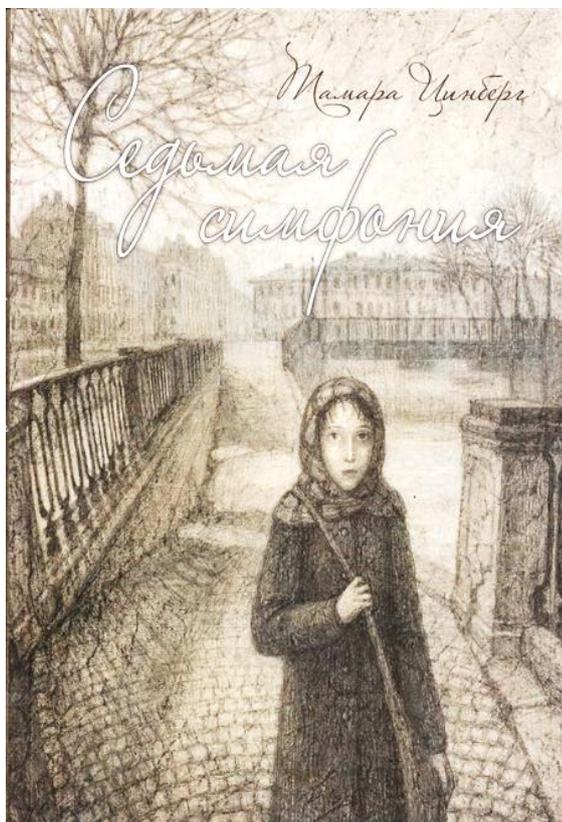
Блокадная сказка, единственная в своем роде. Место фактов здесь занимают метафоры, и зачастую действуют они гораздо сильнее чисел. Это тяжелая сказка, от которой невозможно оторваться. Рекомендовано к прочтению детям от 12 лет, но взрослым понравится тоже. Это вторая книга цикла «Ленинградские сказки».

Ленинград в блокаде. Дом, где жили оставшиеся без родителей Таня, Шурка и Бобка, разбомбили. Хорошо, что у тети Веры есть ключ к другой квартире. Но зима надвигается, и живот почему-то все время болит, новые соседи исчезают один за другим, тети Веры все нет и нет, а тут

еще Таня потеряла хлебные карточки... Выстывший пустеющий город словно охотится на тех, кто еще жив, и оживают те, кого не назовешь живым. Пытаясь спастись, дети попадают в Туонелу – мир, где время остановилось, и действуют иные законы. Чтобы выбраться оттуда, Тане, Шурке и даже маленькому Бобке придется сделать выбор – иначе их настигнет серый человек в скрипучей телеге.

«Люди! По набережной брели люди! Закутанные так, что не разобрать – мужчина или женщина. Обессиленные, шаркающие, сгорбленные: не понять – молодые или старики. Цепенели фарфоровые от мороза деревья. Огромные сугробы вздымались алмазными горами. И в сверкающей белизне Шурка ясно разглядел санки! Они торчали полозьями вверх, вниз змеилась веревочка...».

Тамара Цинберг «Седьмая симфония»

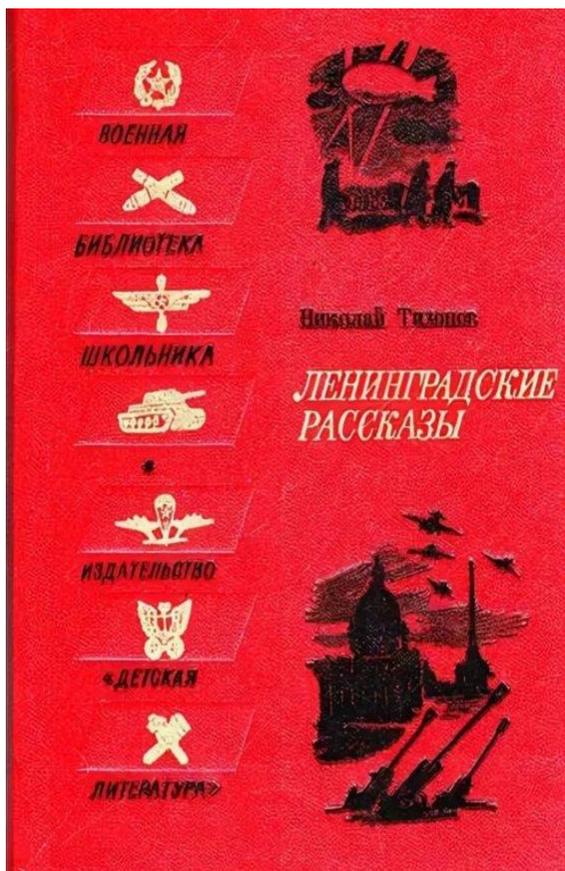
Блокада Ленинграда... Юная Катя берет под свою опеку трехлетнего мальчика, спасая его от смерти. И благодаря этому сама обретает силы жить дальше.

Повесть Тамары Сергеевны Цинберг рассказывает удивительно светлую и честную историю о незаметных ежедневных подвигах ленинградцев и о том, что же означала храбрость отдельного человека в годы Великой Отечественной войны.

Это первая книга Тамары Сергеевны Цинберг, пережившей блокаду Ленинграда. Она художник, и наши читатели получили не одну книгу в ее оформлении.

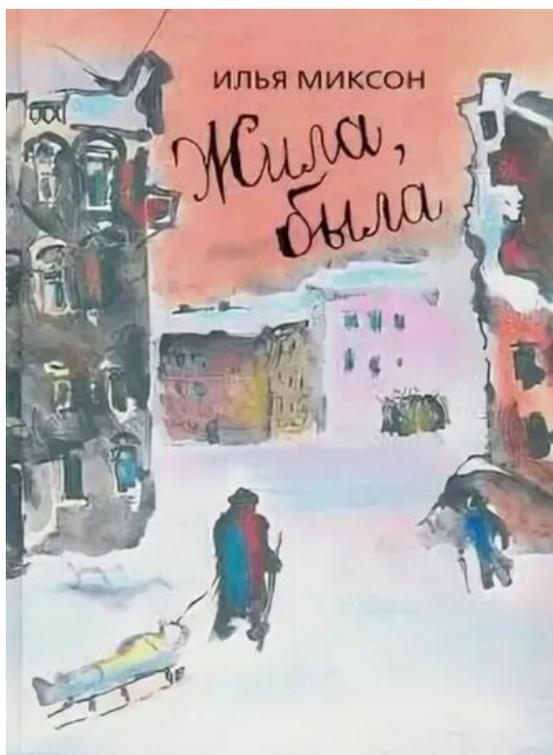
«Нахмурившись, Катя засунула руку за пазуху и вынула оттуда небольшой пакет, плотно завернутый в газетную бумагу. Очень осторожно она развернула его и несколько секунд сосредоточенно глядела на маленький, черный, сырой кусок хлеба. Ей смертельно не хотелось отдавать другому этот драгоценный кусок хлеба, который она с таким трудом, с таким недетским напряжением воли сохранила себе на вечер. И сердито, неохотно, повинувшись лишь неодолимому чувству долга, Катя сунула свой хлеб в этот жалобно приоткрытый рот...».

Николай Тихонов «Ленинградские рассказы»

Рассказы о людях мужественных и стойких, с честью выдержавших суровое испытание – блокаду родного города. Знаменитый Василий Васильевич и партизаны, собравшие обоз, доноры и девушки на крышах... О разных людях и разных сторонах жизни блокадного города. Завершается рассказом о 27 января 1944 года. *«Блокадные времена – это небывалые времена. Можно уходить в них, как в нескончаемый лабиринт таких ощущений и переживаний, которые сегодня кажутся сном или игрой воображения. Тогда это было жизнью, из этого состояли дни и ночи.»*

Илья Миксон «Жила, была. Историческое повествование о Тане Савичевой»

Документальная повесть о Тане Савичевой – возможно одной из самых известных жительниц Блокадного Ленинграда. Оригинал дневника Тани выставлен в музее истории Ленинграда, в филиале «Особняк Румянцева», а его копия, с которой и я познакомилась, – в витрине одного из павильонов. Пискаревского мемориального кладбища.

«Блокадный дневник девочки до сих пор волнует людей, обжег и мое сердце» – написал он в предисловии к повести о Тане.

Чтобы собрать материал, писатель искал родственников, делал запросы в архивы, общался с выжившими очевидцами блокадных событий: *«Я держал в руках*

вещи, что хранили касание рук девочки, сидел за партой в классе, где она училась, смог бы с закрытыми глазами обойти ее прежнее жилье и назвать все предметы». Невероятное погружение в тему привело к потрясающему результату. Мы как будто становимся свидетелями всех событий, происшедших в квартире на 2-й линии Васильевского острова – сначала радостных, потом тревожных и трагических. Мы начинаем видеть людей за Таниными строчками, написанными синим карандашом в записной серо-голубой книжке. Да, карандаш, оказывается, был синий, а не черный».

Владислав Глинка «Воспоминания о Блокаде»

Владислав Михайлович Глинка – писатель и историк, много лет, проработавший в Государственном Эрмитаже. Он пережил блокаду Ленинграда, работая в это тяжелое время хранителем в Эрмитаже, фельдшером в госпитале и одновременно отвечая за сохранение коллекций ИРЛИ АН СССР («Пушкинский дом»).

Рукопись «Воспоминаний о блокаде» была обнаружена наследниками В. М. Глинки после смерти автора при разборе архива. Повествование о первой блокадной зиме в Ленинграде – это, главное из мемуаристики автора, где основными действующими лицами повествования выступают два слоя людей, оказавшихся в блокаде. Один из этих слоев – гибнущий.

Другой, напротив, необыкновенно живучий. В этом особенность блокадных мемуаров В.М. Глинки – сцены, характеризующие неотвратимость гибели целых пластов работников культуры в условиях бедствия 1941-42 гг.

ПЯТЬ БЛОКАДНЫХ ПОЭТЕСС

На протяжении девятисот дней блокады Ленинград оставался не только городом вооруженной борьбы, но и городом воинствующей поэзии. Лед, огонь и холод, мрак и ожесточение не смогли стереть с его облика той особой одухотворенной поэтичности, какая была дана ему от века и, которая продолжала вдохновлять его поэтов, художников и музыкантов.

Николай Тихонов говорит, вспоминая то время, что «эмоциональное, зажигающее стихотворение бывало в иные моменты важнее рассказа или листовки», – читаем в книге «Литературный Ленинград в дни блокады». В суровые декабрьские дни 1941 года Николай Тихонов призывал ленинградцев не сдаваться и верить в победу:

*И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут...
...И красное знамя над ними,
Как знамя победы встает.*

Поэту вторила Вера Инбер, приехавшая в Ленинград вместе с мужем накануне начала блокады, в конце августа 1941 года. Поэтесса выступала на радио, на заводах, ездила на фронт. С октября 1941 по ноябрь 1943 года она создавала свою поэму скорби и всепобеждающей силы духа – «Пулковский меридиан»:

*Да, мы – в кольце. А тут еще мороз
Свирепствует, невиданный дотоле.
Торпедный катер стынет на приколе,
Автобус в ледяную корку врос;
За неменьем тока нет трамваев.
Все тихо. Город стал неузнаваем.*

Как, если не подвигом, назвать мужественную вахту у радиомикрофона поэтессы Ольги Берггольц, ставшей «сестрой по гневу и печали» тысячам ленинградцев, окруженных стальным кольцом вражеских войск? В Доме радио она почти ежедневно вела радиопередачи, позднее вошедшие в ее книгу «Говорит Ленинград»:

*О древнее орудие земное,
лопата,
верная сестра земли!
Какой мы путь немыслимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли!*

«Поэзия взяла на себя, особенно в первую блокадную зиму, главнейшие функции всего искусства». Нашу антологию стихов о Ленинградской эпопее мы начнем с пяти блокадных поэтесс.

*«И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет».*

Анна Ахматова.

Пять блокадных поэтесс. Все выжили в блокаду и написали о ней, словно выполнили предназначенную миссию.

Жизнь их складывалась трагично, как будто невидимая рука готовила их к великой миссии. Они были знакомы. К началу блокады были известны. Все имели возможность покинуть блокадный Ленинград...

...Практически во всех блокадных дневниках обязательно упоминается тот день, когда в городе заработало радио – уста Ленинграда.

Это ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ сказала: «Сто двадцать пять блокадных грамм, с огнем и кровью пополам». Это ее слова выбиты на Пискаревском мемориальном кладбище: «Никто не забыт, ничто не забыто».

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Мужественная вахта у радиомикрофона поэтессы Ольги Берггольц, ставшей «сестрой по гневу и печали» тысячам ленинградцев, окруженных стальным кольцом вражеских войск.

«Я никогда героем не была, не жаждала ни славы, ни награды.

Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не геройствовала, а жила».

Ольга Федоровна Берггольц, которая для многих ленинградцев в страшные годы блокады стала поэтессой, олицетворяющей стойкость Ленинграда. Тысячи горожан во время блокады собирались возле репродукторов для того, чтобы услышать ее стихи, вселяющие надежду на солнце, которое обязательно прорвется сквозь сгустившиеся тучи, голод и холод. Ольга Берггольц стала музой людей, находившихся в блокадном городе.

Многие исследователи ее творчества считают это чудом. Малоизвестный автор детских книжек и стихов заставляла обессиленных людей подниматься и идти вперед, помогала жить за гранью человеческих возможностей.

«Скажите – Берггольц. Отзовется – Ленинград»

«Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц...» Тысячи ленинградцев ждали эти слова каждый день. Они знали: если Берггольц в эфире, значит, Город не сдался.

*...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...
Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.
Над Ленинградом – смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.
Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады -
мы не покинем наших баррикад.
И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.
Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю*

*я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою:
Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.*

Август 1941

Три с половиной года ее чистый голос, наполненный удивительной энергией, практически ежедневно звучал в эфире. Поразительные выступления Берггольц имели такую силу, что враги внесли ее в список советских людей, которые должны быть расстреляны сразу после взятия Ленинград. Откуда она брала силы, неизвестно. Ольга Федоровна, как и все ленинградцы, сидела на голодном пайке и от истощения была на грани смерти.

Блокадники вспоминали, что мягкий задушевный голос поэтессы, звучащий по радио в осажденном городе, стал им родным. Не было тепла, света, еды и только этот голос три с половиной года поддерживал в ленинградцах надежду. Реальность была настолько жестокой, что казалось: людям не до стихов. Но Берггольц писала так, что они становились точкой опоры для каждого, кто их слышал.

*Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.
Какие ж я могла найти слова,
я тоже – ленинградская вдова.
Мы съели хлеб, что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...*

«В истории ленинградской эпопеи она стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии. Ее читали, как чтут блаженных, святых», – говорил о Берггольц писатель Даниил Гранин.

«Сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам»

Эти строчки из «Ленинградской поэмы» Берггольц, написанной летом 1942, моментально ушли в народ. Эта поэма – не просто стихи, а прямое попадание в нерв блокадного Города.

*Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.
— Сменяй на платье, – говорит, –
менять не хочешь – дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... —
И я сказала: – Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.*

«Никто не забыт и ничто не забыто»

В блокаду в квартирах радио не выключалось никогда. Часто дежурные, совершавшие обход домов, наблюдали жуткую картину: в комнате – несколько окоченевших тел, а «тарелка» работает. Живых ленинградцев радиоголос связывал с внешним миром, когда они уже не могли подняться с кровати. И часто этим голосом был проникновенный голос Ольги Берггольц.

Блокадники не забыли его и после долгожданной победы – неслучайно гранитные плиты Пискаревского мемориального кладбища «говорят» с жителями и гостями города монументальными по духу словами поэтессы:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

В памяти поколений Ольга Федоровна Берггольц осталась мужественной и не-сгибаемой Музой блокадного города, символом твердости и бесстрашия духа.

АННА АХМАТОВА

Великая Отечественная война застала Анну Андреевну как раз в Ленинграде. В этом городе она и пережила начало блокады, вместе со всеми ленинградцами испытав ужас бомбежек, обстрелов – ужас смерти.

После одной из самых страшных бомбежек Ахматова написала стихотворение «Птицы смерти в зените стоят»:

*Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?
Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой еще, он все слышит:
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,
Как из недр его вопли: «Хлеба!» -
До седьмого доходят неба.
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.*

Ахматова долго отказывалась от эвакуации. Даже больная и истощенная она не хотела покидать любимый город. Только повинувшись настойчивой заботе о ней, Ахматова, наконец, эвакуируется самолетом в Ташкент. Но и там мысленно возвращалась она к терпящему беды вражеского окружения героическому народу. И именно в Ташкенте пишет она стихотворение «Мужество».

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...*

Уже в 1944 году Анна Ахматова вернулась в свободный Ленинград. В память о родном городе, выстоявшем под тяжелой осадой, выдержавшем самые трудные испытания поэт создала свою известную «Поэму без героя», предварив ее словами: «Всю эту поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады... Их голоса я слышу теперь, когда я читаю вслух мою поэму, и этот тайный хор стал для меня навсегда фоном поэмы и ее оправданием. 8 апреля 1943 г. Ташкент».

Памяти Вали

*Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.
Постучи кулачком – я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.*

23 апреля 1942 года. Ташкент

ВЕРА ИНБЕР

Переехав в Ленинград в августе 1941 года, Вера Михайловна даже не сомневалась, что город не может быть «отдан врагу». Теперь, прожив в нем самые страшные полтора года блокады, зная все реалии этого жуткого времени, она уверена:

*Мы отомстим за все: за город наш,
Великое творение Петрово,
За жителей, оставшихся без крова,
За мертвый, как гробница, Эрмитаж,
За виселицы в парке над водой,
Где стал поэтом Пушкин молодой.
За гибель петергофского «Самсона»,
За бомбы в Ботаническом саду,
Где тропики дышали полусонно
(Теперь они дрожат на холоду).
За все, что накопил разумный труд.
Что Гитлер превращает в груды груд.*

Поэтесса ведет дневник, описывая каждый страшный блокадный день, который позже будет издан под названием «Почти три года» и станет лучшей ее прозой – лаконичной, жесткой. Это почти сводка: перечень событий, свидетельницей которых она стала, – налеты, бомбежки, описание поездок на фронт.

Вера Михайловна постоянно работает, не позволяя себе отдыхать: «Нельзя давать ослабеть хоть в какой-то мере душевному напряжению. Это трудно – всегда быть натянутой, но это нужно. От этого зависит все. И работа, и успех, и оправдание жизни в Ленинграде...».

В декабре 1942 года она отдает в печать поэму «Пулковский меридиан», которая стала лучшим образцом ее творчества.

«Пулковский меридиан» – лирический дневник, внешне скромный, но ставший манифестом борющегося духа. Это поэзия, которая реально и каждодневно помогала выжить, не сойти с ума от голода и ужаса.

Из поэмы «Пулковский меридиан»

*Да, мы – в кольце. А тут еще мороз
Свирепствует, невиданный дотоле.
Торпедный катер стынет на приколе.
Автобус в ледяную корку врос;
За неимением тока нет трамваев.
Все тихо. Город стал неузнаваем.
И пешеход, идя по мостовой
От Карповки до улицы Марата,*

*В молчанье тяжкий путь свершает свой.
И только редкий газогенератор,
На краткую минуту лишь одну,
Дохнув теплом, нарушит тишину.*

12 июня 1943 года «Правда» печатает статью поэтессы Веры Инбер из блокадного Ленинграда «Памяти Пушкина» – зримое свидетельство, что и в дни страшных испытаний в неприступном для врага городе к поэту не зарастала народная тропа. Вот как описывает Вера Инбер в стихотворении «Пушкин жив» одно из событий тех лет:

*От бомбы дрогнули в окне
Стропила мирной комнатухи,
А человек стоял в окне,
А человек взывал: «Ко мне!
Тут книги у меня. Тут Пушкин!»
Ему кричали: «Выходи!»
Но книг оставить не хотел он,
И крепко прижимал к груди
Он томик полубогорелый.
Когда ж произошел обвал
И рухнул человек при этом,
То и тогда он прижимал
К груди создание поэта.
В больнице долго он, без сил,
Лежал, как мертвый, на подушке.
И первое, что он спросил,
Придя в сознание: «А Пушкин?»
И голос друга, поспешив,
Ему ответил: «Пушкин жив».*

5 июня 1943 г.

Заканчиваем наше повествование о блокадной поэтессе стихотворением «Мы помним все», напечатанном в газете «Ленинградская правда», 22 июня 1943 года

*Для нас – война не там, на горизонте,
А здесь, в пределах городской черты,
Где улицы превращены в форты,
Где каждый сознает, что он на фронте.
Где все, от тротуара до дворца,
Отмечено печатью вражьей злобы,
О, немцев мы узнали до конца...
У Ленинграда с ними счет особый.*

*Их каждое движенье, каждый шаг
Мы отмечаем в памяти недаром.
Не пожалеет жизни, чтобы враг
Дождался здесь особого удара.
И каждый немец нами занесен
В особый список мести и расплаты.
Мы – ленинградской армии солдаты,
Бессменный ленинградский гарнизон.*

ЗИНАИДА ШИШОВА

Поэма Зинаиды Шишовой «Блокада» сегодня мало кому известна. Хотя в блокадное время имя ее не терялось. В конце 1942 году она читала поэму в Доме писателей в Ленинграде, выступала по ленинградскому радио.

Написана поэма от лица матери, стремящейся спасти своего ребенка.

*Дом разрушенный чернел, как плаха,
За Невой пожар не погасал.
Враг меня пытал огнем и страхом,
Материнской жалостью пытал.
Мы привыкли к выстрелам и крови,
Страх нет, но жалость велика.
Как она свисает с изголовья,
Эта исхудалая рука!*

32

Блокаду Шишова переживала как все: работала, голодала. «Писать было не на чем – бумага кончилась, чернила замерзли. Зинаида Константиновна диктовала стихи сыну, а тот запоминал. Потом поэму записали в Союзе писателей, куда Зика и Марат ходили через день за порцией похлебки», – из воспоминаний Надежды Колышкиной.

Это наиболее правдоподобный литературный текст, опубликованный во время блокады, полный чудовищных и точных подробностей той зимы:

*Наш дом стоит без радио, без света,
Лишь человеческим дыханием согретый...
А в нашей шестикомнатной квартире
Жильцов осталось трое – я да ты,
Да ветер, дующий из темноты...
Нет, впрочем, ошибаюсь – их четыре.
Четвертый, вынесенный на балкон,
Неделю ожидает похорон.*

В поэме Шишова говорит о героическом прошлом и будущем города и страны, о доблестной готовности горожан к борьбе; слове, которое способно преодолеть даже смерть:

Из поэмы «Блокада»

*Да, Ленинград остыл и обезлюдел,
И высятся пустые этажи,
Но мы умеем жить, хотим и будем,
Мы отсталяли это право – жить...*

<...>

*снова будем драться
За город, пожираемый огнем,
За милый мир, за все, что было в нем,
За милый мир, за все, что будет в нем;
За город наш, испытанный огнем,
За право называться ленинградцем!*

Ты в поэме у Шишовой – это ее сын, находящийся на грани между жизнью и смертью. Сюжет поэмы развивается вокруг отношений матери и ребенка: взгляд матери на ребенка, как утверждает Шишова, обладает спасительной силой. Она буквально поднимает его из мертвых силой внимания, силой памяти и силой своего голоса:

*И говорю тебе, как друг, как мать:
– Вставай, мой сын, сейчас нельзя лежать!
И ты поднялся. Так встают из гроба...*

НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

В 1941 г. поэтесса оказалась в блокадном Ленинграде. Чудом выжила, написала книгу стихов, вероятно, самую страшную и самую высокую книгу блокадной лирики. Блокадный город в осадной книге Крандиевской не имеет ни аналогов, ни соответствий. Свободная от директив соцзаказа, она пишет о том, что не укладывается ни в какие рамки предшествующей поэзии.

Во время войны ей неоднократно предоставлялась возможность покинуть блокадный Ленинград, она отказывалась и оставалась свидетельницей этого страшного времени.

*Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Где каждый камень мостовой —
Свидетель жизни величавой,*

*Где каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Где Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.
О память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена,
И мрамор жив, и бронза дышит.
И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?
Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской крови первородство.*

1941г.

*На стене объявление: «Срочно!
На продукты меняю фасонный гроб.
Размер ходовой. Об условиях точно —
Гулярная, девять». Наморщил лоб
Гражданин в ушанке оленьей,
Протер на морозе пенсне,
Вынул блокнот, списал объявленье.
Отметил: «справиться о цене».
А баба, сама страшнее смерти,
На ходу разворчалась: «Ишь, горе великое!
Фасо-о-онный еще им, сытые черти.
На фанере ужо сволокут, погоди-ка».*

1942

*Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу. Не верю!
Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
— Всем придет свой черед, —
Прохожие скажут.*

*Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.
Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.
Февраль 1942*

«ИХ 900 НОЧЕЙ У ЛЕНИНГРАДА» – ПОЭТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА МУЖЕСТВА

36

1941

ВЕЛИКИЙ ГОРОД ДАСТ ВРАГУ ОТПОР!

Фашистский зверь стремится к Ленинграду,
Кровавой лапю стучится в нашу дверь, —
Ударим яростно по извергу и гаду,
Ударим так, чтоб зашатался зверь!
Не в первый раз встречают ленинградцы
Зарвавшихся насильников-врагов,
За город свой они умеют драться, —
И кровь, и жизнь любой отдать готов!
И, как всегда, отважные балтийцы
Стоят на первой линии огня.
Готовые на жизнь и на смерть биться,
Морскую славу русскую храня.
Для родины, ее защиты ради
Собрать все силы в боевой кулак —
Так поступать привыкли в Ленинграде,
И без зубов не раз катился враг.

По-ленинградски дружно, без пощады
Великий город даст врагу отпор.
Не прикоснется к двери Ленинграда
Фашистский изверг, вешатель и вор!

Вас. Лебедев-Кумач.
«Известия», 22 августа 1941 года

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вождеделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Анна Ахматова, 1941 год

ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Твой зоркий страж пробил тревогу:
Враг рвется к твоему порогу.
Но, пролетарский исполин,
Мы все с тобой, ты не один —
С тобой, фашистов отбивая,
Вся наша сила боевая, —
С тобой Москва, все города
И все советские народы.
Пусть будет мощь твоя тверда,
И пусть фашистские уроды
Увидят, птяся назад,
Как вся страна — и стар, и млад —
Встает грозой за Ленинград,
За колыбель своей свободы!

Ты грозен для врагов, как рок:
Они иль гибнут, иль сдаются,
И о гранитный твой порог
Фашисты тоже разобьются!
Мы все с тобой даем обет:
Отбить фашистскую осаду
Да так, чтоб весь увидел свет,
Что, легких чаявший побед.
Враг получил свою награду.
Что на подходах к Ленинграду
Он надломил себе хребет!

Демьян Бедный
«Правда», 23 августа 1941 года

ЛЕНИНГРАД

Здесь земля победами дышала...
Виден всей стране издалика
Ленин у Финляндского вокзала,
Говорящий речь с броневика.
Память о бойцах и о героях
Этот город навсегда хранит.
Этот город на своих устоях
Колыбелью мужества стоит.
Песням и легендам повторяться
У застав, мостов и у ворот —
Боевая клятва ленинградцев
Над великим городом встает.
Дышит время заревом пожаров
И полки в сражение идут.
Ярость полновесного удара
Сомкнутые руки берегут.
Неприступным был он и остался
В боевые славные года.
Никому наш город не сдавался,
Никому не сдастся никогда!

М. Светлов. Ленинград.
«Красная звезда», 7 сентября 1941 года

ШУМИТ ГРОЗОВОЙ ЛЕНИНГРАД

В лесах, на полянах на мшистых

 Пылают бои у реки.

Там Бондарев гонит фашистов,

 Радыгина блещут штыки.

Как огненным чешет рубанком

 Нарышкин – орудий огнем,

 И танки ведет Колобанов,

С фашистской кончая броней.

Взлетевших из черных притонов

И вздумавших взять нас легко

 Таранит врагов Харитонов,

 Сжигает их в небе Бринько.

И славе такой не забыться,

 И море гремит в берега,

Орлиное племя балтийцев

 В атаку идет на врага.

Народа встает ополченье,

 Несчетные видны полки,

И залпов несчетно свеченье,

 Несчетные светят штыки.

Тряси же, фашист, головою,

 Гляди, обалделый солдат,

 Как море шумит грозное,

Шумит грозовой Ленинград.

Но все это – только начало.

 Та буря копилась давно,

 То море уже закачалось,

 Уже не утихнет оно.

Всей кровью фашистскою черной

 Той бури врагам не залить.

Так жги их, наш гром рукотворный,

 Гроза ленинградской земли!

Николай Тихонов. Ленинград.
«Правда», 14 сентября 1941 года

1942

ЛЕНИНГРАДСКИМ ДЕТЯМ

Нет ребят на свете
Доблестней, чем вы,
Юноши и дети
С берегов Невы.
Я встречал вас в школах,
В парках и в садах,
На катках веселых,
В дачных поездах.
Но настало время
Юношам страны
Разделить со всеми
Честь и труд войны.
Караулить склады,
Разгребать снега.
Строить баррикады
На пути врага.
На чердачной балке
Ночью сторожить,
Вражьи зажигалки
На дворе тушить.
Помощь и отрада
Боевой семьи —
Дети Ленинграда,
Земляки мои!

С. Маршак
«Правда», 12 апреля 1942 года

40

ЛЕНИНГРАДУ

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимой судьбой
Мы все отмечены. Мы – ленинградцы.
Нам от тебя теперь не оторваться.
Куда бы нас ни повела война,
Душа твоею жизнью полна,
И мы везде и всюду – ленинградцы.
Нас по улыбке узнают: нечастой.
Но дружелюбной, ясной и простой.

По вере в жизнь. По страшной жажде счастья,
По доблестной привычке трудовой.
...Мы не кичимся буднями своими.
Наш путь угрюм и ноша нелегка.
Но знаем, что завоевали имя,
Которое останется в веках.
Да будет наше сумрачное братство,
Отрадой мира лучшею, навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый смелый человек.
Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят ленинградцы.
Да будет мерой чести Ленинград.
Да будет он любви бездонной мерой
И силы человеческой живой.
Чтоб в миг сомнения, как символ веры,
Твердили имя верное его.
Нам от него теперь не оторваться.
Куда бы нас ни повела война,
Душа его величием полна,
И мы везде и всюду – ленинградцы.

Ольга Берггольц
Ленинград, апрель 1942 г.

ГОРОД НАШ НЕПОБЕДИМ

В тот мирный день от дома к дому,
Из края в край, по всей стране,
В тот ясный день, подобно грому,
Вошло известье о войне.
Что грохотало в этом громе? —
Границу немцы перешли,
Бомбили Киев и Житомир...
Коснулся враг родной земли!»..
Летело Молотова слово, —
И сердце каждого бойца
Не знало выбора иного,
Как только – биться до конца.
В боях испытана Россия,
Всегда жесток войны закон,
Ее пытали в дни Батя,

Ее терзал Наполеон.
Известны миру дыбы, казни,
Средневековые костры,
Но нет кровавей и ужасней,
Бесчеловечней нет поры.
В те дни вступил в пределы наши,
Пытая женщин и детей,
Права народные поправший,
Безумный сеятель смертей.
Весь навык техники военной
Сведя к искусству палача,
Он шел, машиною военной
Раздолья родины топча.
Тогда, в защиту Ленинграда,
За нашей Балтики края
На корабли, в полки, в отряды
Пошли отчизны сыновья.
И, словно светом озаряя
Побед грядущих торжество,
Вдыхая силу, ободряя,
Нам прозвучала речь того,
Кто наша вера, наша сила.
Кто нам родней родного стал, —
Он всех детей отчизны милой
Сестрой и братом называл.
Весь год сквозь огненные дали
Мы проходили вместе с ним, —
И знали мы, что с нами – Сталин,
И знали мы, что победим!
Враги запомнят в злобе ярой,
Как с нами биться нелегко,
Запомнят «Кирова» удары,
Полеты сокола Бринько.
Все их затеи пали прахом.
Сначала шли они в бои,
Ворваться думая сраэмаха,
Мой город, в улицы твои.
Сулили щедрую расплату,
Чтоб соблазнить своих вояк:
Квартиру каждому солдату
И офицеру – особняк.
Мы им ответили ударом,

Сказали: «Руки коротки!»
И раздавали им задаром
Могильные «особняки».
И враг залег под Ленинградом
У крепко запертых дверей
И слал по городу снаряды
Из дальнобойных батарей.
Как зверь озлобленный, бездушный,
Он бил без толку, без ума,
Он бомбы тяжкие обрушил
На наши мирные дома.
Он ждал, все ждал: вот-вот согнутся
Колени наши перед ним,
Но ленинградцы не сдаются,
И город наш непобедим.
Пусть мы порой недоедали,
Недосыпали иногда,
Но в этот свет победной дали
Мы сердцем верили всегда.
Разбита будет волчья свора,
Ей больше нет пути назад!
Не взять ни силой, ни измором
Тебя, мой гордый Ленинград!

43

Николай Браун

«Ленинградская правда», 22 июня 1942 года

СФИНКСЫ НАД НЕВОЙ

Свидетели бесчисленных поколений,
Немые полулюди-полульвы,
Они лежат у ледяных ступеней,
Перед пустыней скованной Невы.
Глядят неотвратимо друг на друга,
На мерзлый камень лапы положив,
И слушают, как повторяет вьюга
Один и тот же воющий мотив.
Вновь, приглушенный сумраком морозным,
К ним издали долетевший звук
Рождает свист, кончающийся грозным
Ударом и фонтаном льда вокруг.
И тотчас же от крепости Петровой,
От кораблей, вступивших в грозный строй,

Ответный гром, раскатисто-суровый,
Грохочет над туманною Невой.
В цехах, в домах, где все оледенело,
В тисках врагом зажатого кольца,
Все силы напрягая до предела,
Горят непобедимые сердца.
А сфинксам, пережившим бег столетий,
И зной песков, и гордость пирамид,
Не снилось даже, что стоит на свете
Такой безмерной твердости гранит.
Здесь, возле Академии художеств,
Им не понять в тревожный этот год,
Что, жизнь свою на сто веков умножив,
Их вечность Ленинград переживет.

В. Рождественский, 1942 год

1943

ЛЕНИНГРАД

Плывут над заливом балтийские тучи,
И плещутся волны в холодный гранит.
В морских непогодах, в метелях летучих
Он гордый покой свой в столетьях хранит.
Гордо воздвигнут рукой непреклонной,
Бессмертною храбростью русских солдат.
Пробитые пулями в битвах знамена
Нигде, никогда не склонял Ленинград.
Крылами побед осеняла Полтава
Ряды поднимавшихся ввысь колоннад.
Здесь русская доблесть и русская слава
Над невским гранитом, обнявшись, стоят.
В грозном молчаньи стоят бастионы,
Багряные стяги победно горят.
Пробитые пулями в битвах знамена
Нигде, никогда не склонял Ленинград.
В осенние бури и белые ночи
Стоишь ты, гордясь красотой своей.
Мы славим твоих моряков и рабочих,
Бессмертных и сильных твоих сыновей.
Слава тебе, Ленинград, закаленный
В пылании сражений, в огне баррикад.

Пробитые пулями в битвах знамена
Нигде, никогда не склонял Ленинград.

Константин Симонов
«Красная звезда», 18 апреля 1943 года

БЕССМЕРТНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Споем, товарищ боевой,
О славе Ленинграда!
Слова о доблести его
На целый мир гремят.
Отцы вставали за него,
Гремела канонада,
И отстояли навсегда
Бессмертный Ленинград.
Живи, священный город,
Живи, бессмертный город!
Великий воин-город,
Любимый наш Ленинград!
Качает флаги на Неве
Осенний ночи ветер.
Ночь ясная, как светлый день,
Над городом плывет.
Ведь город Ленина один
На всем на белом свете.
Кто посягнул на честь его,
Пощады не найдет!
Живи, священный город,
Живи, бессмертный город!
Великий воин-город,
Любимый наш Ленинград!

Агатов Владимир, 1943 год

БЛОКАДА ПРОРВАНА!

Друг, товарищ, там, за Ленинградом,
Ты мой голос слышал, за кольцом,
Дай мне руку! Прорвана блокада.
Сердце к сердцу – посмотри в лицо.
Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамен.
На века убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идем!

Мы сегодня снова наступаем,
Никогда не повернем назад...
Мой малыш-сынишка – спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград.

Елена Вечтомова, 1943 год

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

«Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...»
Косоприцельным огнем бил из дворца пулемет,
Мы, отступая последними, в пушкинском парке
Деву, под звяканье пуль, в землю успели зарыть.
Время настанет – придем. И молча под липой столетней
Десять саперных лопат в рыхлую землю вонзим...
«Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой»,
Льется, смывая следы крови, костров и копыт.

Владимир Лифшиц, 1943 год

ЛЕНИНГРАДКЕ

«Человек, заглянувший в глаза Смерти, становится чище и проще».

Н. Рыленков

46

Заглянула смерти ты в глаза —
Взгляд ее острее холодной стали.
То и дело «мессеры» кромсали
Над тобой родные небеса.
Пролетал снаряд над головой,
Разрушая каменные стены.
Резкие тревожные сирены
Выли над красавицей Невой.
Дыбилась упругая земля
От мороза, гнева и металла...
Ты забыть о голоде мечтала,
Пайку хлеба надвое деля.
Но когда касалась ты станка
Бледной, исхудавшею рукою,
Как боец в момент горячий боя,
И сильна была ты, и крепка.
Ты видала тысячи смертей.
Но тебя не сокрушило это.

В стужу сердце воина согрето
Чуткою заботою твоей.

Юрий Петров. 1943 год

1944

27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

И в ночи январской, беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

Анна Ахматова

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ

За высоткой Пулковской отлогой,
меж траншей и дзотов, напрямик,
вдаль бежит военная дорога,
и по ней – военный грузовик.
Здесь уже атака отгремела,
сломлен враг, отброшен и разбит,
а земли израненное тело
все еще дымится и скорбит.
Все еще скорбит, не принимая
разом наступившей тишины, —
страшная, открытая, немая
летопись неволи и войны.
Сколько здесь остывшей мертвой стали,
пепла и развалин на пути!
Даже слова – так тебя пытали! —
трудно для сравнения найти.
Бьет в лицо январь морозным ветром.
Взорваны развилки и мосты.
И кругом, на сотни километров,
вся обезображенная – ты.
Только и такая – под колючей
провокой, ржавой и тугой, —
ты для нас осталась самой лучшей,
самой светлой, самой дорогой.
Пусть мертво и тихо, как в пустыне,
нет нам утешения – и все ж,

нами отвоеванная ныне,
этой же весной зацветешь.
Мы поля сражений перепашем,
чтоб от них не веяло тоской,
чтобы сыновьям и внукам нашим
ты дарила радость и покой.
Громыхает под гору и в гору
кузов моего грузовика.
Рядом по дорогам на Ижору
тянутся обозы и войска.

Илья Авраменко. 1944 год

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

Над военным родным Ленинградом,
Разрывая немые снега,
Не смолкая гремит канонада —
Это наши идут на врага.
Это голос стальной пулемета,
Это сокола гордый полет,
Это бьется морская пехота,
Это суд справедливый идет.
Это речью бессмертных орудий
Говорят на Неве корабли,
Это дышит воинственной грудью
Каждый ком ленинградской земли.
Это город, суровый и грозный,
Двинул рать на исконных врагов.
И колышется в дымке морозной
Лес серебряных русских штыков.
Там, где встали стеною сугробы,
Где дорога лежит — нелегка, —
Движет в бой величавая злоба
Беспримерные в мире войска.
В пламенеющих бликах восхода
Загорается утром Нева...
Ленинградцы в боях и походах
Обретают на славу права.

Полина Каганова, 1944 год

ЛЕНИНГРАД ПОБЕДИЛ

Когда отгремели раскаты салюта,
Впервые за два с половиною года
Настала желанная нами минута:
Пришла тишина, но особого рода.
Она ленинградской была тишиною.
(Не сразу в нее мы поверили сами.)
Была она куплена страшной ценою,
Оплачена кровью, заслужена нами.
Ведь каждый награды был этой достоиним.
И вот почему тишиной наслаждался
В бою возле Пулкова раненный воин
И тот, кто в цехах за победу сражался.
Законную гордость в тот вечер изведав,
Мы знали: былой тишины возвращенье
И есть ленинградская наша победа,
Минута затишья, канун возрожденья.
Сбылись ленинградцев заветные думы!
Недаром боролись мы все эти годы!
Наполнились снова торжественным шумом
Родные кварталы, родные заводы.
Мы слушаем гул – то не гул канонады,
То город расправил могучие плечи,
И мы не забудем, бойцы Ленинграда,
Салют над Невой в тот памятный вечер.

Илья Быстров, 1944 год

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ждет у моря израненный город,
Мне к его изголовью пора.
Распахнула у шубы мне ворот,
Тайно крестит меня сестра.
И, подхвачена бурей железной,
Отрываюсь легко от земли,
И лечу над привычною бездной
В полыханье заката вдали.
Так и надо для летной погоды,
Ветер сух, но все крепче, острей,
Встречный, с запада, веющий йодом,
Ветер Балтики, ветер морей.
И уже узнаю сквозь туманы,
В серебристых разливах воды,

Город, славой венчающий раны,
Город преодоленной беды.
Протянувший каналы, как струны,
Вдоль решеток дворцов и садов,
Самый мужественный, самый юный,
Самый верный среди городов!

Наталья Крандиевская-Толстая. 1944 год

**ВЫ ЧАШУ ГОРЯ ВЫПИЛИ ДО ДНА.
НО ВРАГ НЕ ВЗЯЛ ВАС НИКАКИМ ИЗМОРОМ
И ЖИЗНЬЮ СМЕРТЬ БЫЛА ПОБЕЖДЕНА
И ПОБЕДИЛИ ЧЕЛОВЕК И ГОРОД!**

БЛОКАДНАЯ ЗИМА

Снеговые на Невском горы,
Ледяная над ним заря.
День за днем коченеет город
В холодильнике декабря.
Небо огненное нависло
Над Невой от беды седой,
Наши матери с коромыслом
Ходят к прорубям за водой.
И, поскользываясь на спуске,
Забывают про боль и страх,
А с Вороньей Горы бьют пушки,
И снаряды рвутся в домах.
И совсем вымерзают нервы,
Где пробит в сугробах маршрут.
На санях, на листах фанеры
В путь последний родных везут.
Горожан косит голод шалый,
И осколки разят вразлет,
И горят на Невском пожары,
Озаряя блокадный лед.

Владимир Зотов. 1947 год

ПЕСНЯ ГНЕВА

Памяти композитора Бориса Гольца, автора «Песни гнева», погибшего в дни ленинградской блокады

Он не спит,
Он пишет.
Мучит голод.
Дрожь коптилки.
Сумрак ледяной.
Что успел он?
Так еще он молод!
Два десятилетия за спиной.
Третье только началось недавно
И до половины не дошло...
Нынче ход какой-то своенравный
Музыки, встающей на крыло,
Будто сами возникают звуки,
Нарастают,
Крепнут,
Не сдержат!
В кости клавиш бьют костяшки-руки
И слабеют,
Но бегут опять,
Слух наполнив
Громом,
Гулом,
Звоном, –
Все еще не ясно ничего,
Все еще охвачено, как стоном,
Ярым гневом сердца самого.
Но уже отрывисто,
Как взрывы,
Как на марше топающий взвод,
Задыхаясь,
Здесь,
Нетерпеливо
Нота к ноте на листах встает.
Все забыто:
Голод, сумрак, стужа.
Он опять могуч –
И в полный рост,
В черных душах сея черный ужас,
Музыка встает до самых звезд.

— Смерть за смерть! —
Взывают миллионы.
— Кровь за кровь! —
Сердца им в лад стучат.
Взрыв.
Огонь.
И рушатся вагоны
Под откос —
И к черту, в чертов ад!
Он как будто сам в огне.
Но руки
Коченеют,
И темно в глазах,
И куда-то прочь уходят звуки,
И потерян такта мерный шаг...
Но опять встает, поет, взлетает
Музыка
И рвется в небосвод,
Громом,
Гневом,
Молнией сверкает
И уже в бессмертие ведет.

Николай Браун

ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

Был год сорок второй.
Меня шатало
От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна —
Ей было горя мало
До этих бед.
Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролет,
Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.
И где-то там,
Невы посередине,
Я увидел с Литейного моста

На медленно качающейся льдине
Отчетливо
Подобие креста.
А льдина подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно
В стороны руками
Был в эту льдину впаян человек.
Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
На окаянном «Невском пяточке»,
А мальчик,
По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузом пиджачке.
Как он погиб на Ладоге,
Не знаю.
Был пулей сбит или замерз в метель.
...По всем морям,
Подтаявшая с краю,
Плывет его хрустальная постель.
Плывет под блеском всех ночных созвездий,
Как в колыбели,
На седой волне.
...Я видел мир.
Я полземли изъездил,
И время душу открывало мне.
Смеялись дети в Лондоне.
Плясали
В Антофагасте школьники.
А он
Все плыл и плыл в неведомые дали,
Как тихий стон
Сквозь материнский сон.
Землетрясения встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели плыл.
Моей душе покоя больше нету.
Всегда,
Везде,
Во сне и наяву,

Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечества плыву.

Михаил Дудин

Не меряйте днями блокаду —
Масштаб измерения не тот.
В кошмарах блокадного ада
И время замедлило ход.
Под рухнувшими небесами,
На стонущей в муках земле
Минуты казались часами,
А день стоил несколько лет.
Застывших минут баррикады
Слились в Пискаревский гранит.
Не меряйте днями блокаду,
Пусть память минуты хранит.
Считите, чтоб золотом высечь
В граните на всю глубину,
Один миллион триста тысяч
Наполненных смертью минут.
Один миллион ленинградцев,
Презревших пощаду в плену
И выбравших жребий сражаться,
Борясь до последних минут!
Всей скорби слезами не вытечь,
Всей славы в граните не высечь,
Но страшную эту войну
Потомки не раз помянут.
И в ней миллион триста тысяч
Блокадных бессмертных минут.

А. Молчанов

БАЛЛАДА О СОВЕСТИ

3 февраля 1942 года в блокадном Ленинграде умер от голода Даниил Иванович Кютинен, один из самых честных и порядочных людей нашей эпохи. Он умер прямо на работе, в пекарне, в возрасте 59 лет. Умер от истощения, не съев ни грамма больше положенной нормы хлеба.

В этих грустных глазах
лютый холод блокады,
но в душе, как стена,
его совести твердь.
Пек он бережно хлеб
для всего Ленинграда.
А его погубила
голодная смерть!
Горький, черный тот хлеб,
трудный, жесткий, блокадный,
со слезами, с молитвами,
с общей бедой.
Грели руки его тонны
теплых буханок,
но себе, умирая, он не взял
ни одной!
Ни кусочка! Ни крошки!
Голод – спутник коварный...
Как же мог устоять
от соблазнов Земных?
Не погиб он в бою.
Умер тихо в пекарне,
своей волей упрямо
спасая других.
Он не смог, не посмел
искушению поддаться.
Но сумел устоять,
победить и стерпеть.
Каждый день он спасал
от беды ленинградцев,
обрекая себя на голодную смерть.
В той жестокой войне,
среди душевного хлама,
где порядочность с честью
поднялись в цене,
он не съел больше нормы

хлеба даже ни грамма,
этим совести норму
увеличив вдвойне.
...Да, потомкам его
есть чему удивляться.
Как не сгнила душа
в те суровые дни?!
Есть сомнения?
Взгляните в глаза ленинградцам,
кто смертям всем назло
оставались людьми!
Эту горькую правду
вспоминать чаще надо!
Всех, кто умер и выжил,
но душой не мельчал.
Я встаю на колени
перед тем, кто в блокаду
человечью совесть
на кусок не сменял!

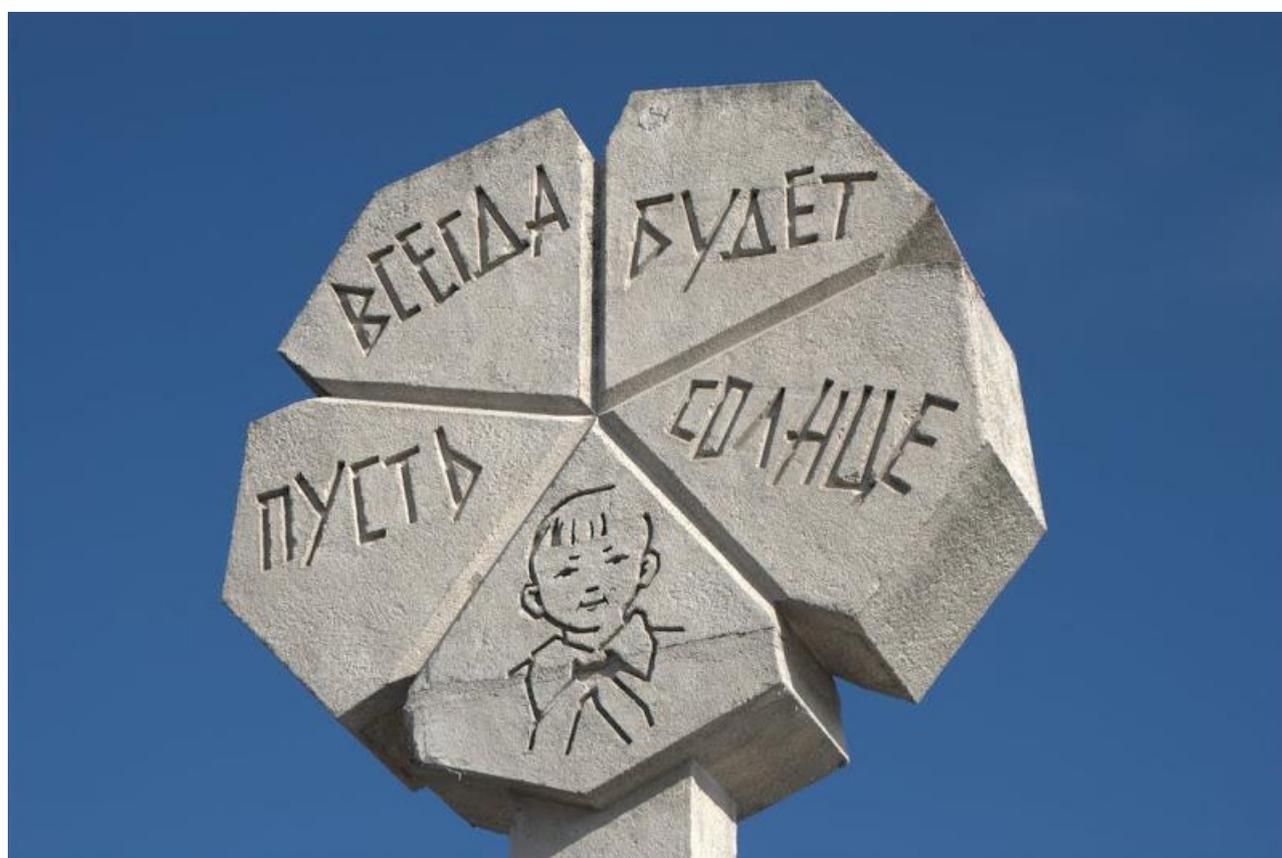
Е. Черных

НЕПОКОРЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

Небо Балтики давит свинцом,
город держит за
горло блокада.
Медный всадник и ангел с крестом
батальонам подвозят снаряды.
Львы из камня срываются с мест,
чтоб с бойцами подняться в атаку.
Непокорных жестокая месть.
Наступление. Крушение мрака!
Непокоренный, прошедший сквозь ад.
Непокоренный герой – Ленинград!
Непокоренный на все времена.
Непокоренный город Петра!
Пишет жизнь слабой детской рукой
даты смерти на саване снега.
Что тогда бы случилось с тобой;
смог остаться бы ты человеком;
Не сдаваться и в голос не выть,
убивая за хлебные крошки;
Свет надежды сумел бы хранить
под раскаты немецкой бомбежки?

Непокоренный, прошедший сквозь ад.
Непокоренный герой – Ленинград!
Непокоренный на все времена.
Непокоренный город Петра!
Чернота, хрупкий Ладожский лед,
уходящие дети под воду.
Метроном отобьет скорбный счет
всех погибших в блокадные годы.
Нервы города – к сердцу земли,
силы взять, и к весне возродиться,
Медный всадник к победе летит,
неподвластной забвению птицей.

Валерий Кипелов, 2015 год

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

[Блокада Ленинграда]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://pastvu.com/_p/a/a/3/4/a34v0jfd5sy3dhv47u.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

[Блокада Ленинграда]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://cdn.culture.ru/images/c789b8e7-1a23-5d8f-a5ae-34e58653990e> (дата обращения: 15.01.2023).

[Встреча бойцов ленинградского и волховского фронтов]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://waralbum.ru/wp-content/uploads/2019/12/1943_Vstresha-Leningradskogo-i-Volhovskogo-frontov.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

[Жители блокадного Ленинграда]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/images/gallery/5e562fc6/1_9d49caf2.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

[Мемориал барельеф]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/images/2023/09/13/ria_8360884hr_75f.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

[Пискаревское мемориальное кладбище]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://ic.pics.livejournal.com/noveltour/48420547/962612/962612_2000.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

[Цветок жизни]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://sun9-64.userapi.com/c10669/u1041604/6/w_b5b0be1a.jpg (дата обращения: 15.01.2023).

Ognev. Стихи о Ленинграде и Великой Отечественной войне /Ognev. – Текст : электронный // Livejournal.com : сайт. – 2017. – 5 февр. – URL: <https://0gnev.livejournal.com/426706.html?ysclid=lrer0db8mf881100947> (дата обращения: 15.01.2024).

World_jewellery. Чтоб вас оплакивать мне жизнь сохранена... Блокадные поэтессы. Часть I. Ольга Берггольц / World_jewellery. – Текст : электронный // Livejournal.com : сайт. – 2015. – 26 янв. – URL: <https://world-jewellery.livejournal.com/10238.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Замостьянов, А. День полного освобождения Ленинграда 2024: героические 872 дня блокады / Арсений Замостьянов. – Текст : электронный // Известия : сайт. – 2023. – 13 февр. – URL: <https://iz.ru/838226/arsenii-zamostianov/podvig-i-bol-geroicheskie-872-dnia-blokadnogo-leningrada> (дата обращения: 15.01.2024).

Иванов, В. Ольга Берггольц – блокадная муза Ленинграда / Владимир Иванов. – Текст : электронный // История. РФ : сайт. – 2020. – 27 янв. – URL:

<https://histrf.ru/read/articles/olgha-bierghgholts-blokadnaia-muza-lieninghrada?ysclid=lreqmzmuun605815994> (дата обращения: 15.01.2024).

Олтаржевский, Г. Горячий лед: как Дорога жизни спасла Ленинград во время блокады / Георгий Олтаржевский. – Текст : электронный // Известия : сайт. – 2021. – 21 нояб. – URL: <https://iz.ru/1252382/georgii-oltarzhevskii/goriachii-led-kak-doroga-zhizni-spasla-leningrad-vo-vremia-blokady> (дата обращения: 15.01.2024).

Футбольный матч в блокадном Ленинграде. – Текст : электронный // Военное обозрение : сайт. – 2012. – 6 мая. – URL: <https://topwar.ru/14171-futbolnyy-match-v-blokadnom-leningrade.html?ysclid=lrepdfvim826572212> (дата обращения: 15.01.2024).

Ознакомительное издание

Бессмертие принявший Ленинград

80-летию снятия блокады посвящается

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области

«Свердловская областная межнациональная библиотека»

620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28

тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА